
В. М. АХМЕДОВ

**СПЕЦИФИКА ПОЛИТИКИ ИРИ
НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ:
ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ
И КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ***

С начала 2000-х гг. Исламская Республика Иран (ИРИ) проводит активную политику в регионе. Группа факторов определяла политику Ирана в Сирии и других государствах Ближнего Востока. Соображения религиозного характера, обусловленные арабо-иранским историческим наследием, наличие близких ИРИ в конфессиональном и этническом отношениях групп населения, способность Тегерана менять в свою пользу региональный баланс сил оказали влияние на арабскую политику ИРИ. В то же время религиозная политика сказалась на отношениях Ирана с ключевыми региональными и мировыми игроками на Ближнем Востоке. Автор констатирует, что создание Ираном лояльных вооруженных формирований обеспечило успех гуманитарной дипломатии ИРИ на Ближнем Востоке. Наличие близких Ирану в конфессиональном отношении групп населения сыграло заметную роль в проведении политики «мягкой силы». Важными инструментами культурно-религиозной экспансии ИРИ были распространение шиитского вероучения, реконструкция шиитских святынь, расширение географии религиозного паломничества, приобретение объектов недвижимости, создание сети культурно-образовательных центров. В статье исследуется деятельность проиранских милиционных отрядов Сирии. Автор изучает идейно-политические условия появления религиозных милиций на Ближнем Востоке. Исследованы идейные и военно-политические мотивы Тегерана в создании лояльных ему вооруженных формирований в Ираке и других арабских странах. В контексте сравнительного исторического анализа предложена авторская типология шиитских милиций Ирака и Сирии. Проанализированы история создания

Для цитирования: Ахмедов, В. М. 2024. Специфика политики ИРИ на Ближнем Востоке: идеологические и конфессиональные факторы. *История и современность* 2: 83–103. DOI: 10.30884/iis/2024.02.04.

For citation: Akhmedov, V. M. 2024. Peculiarities of IRI Policy in the Middle East: Ideological and Confessional Factors. *Istoriya i sovremennost' = History and Modernity* 2: 83–103 (in Russian). DOI: 10.30884/iis/2024.02.04.

История и современность, № 2, июнь 2024 83–103

DOI: 10.30884/iis/2024.02.04

различных милиционных отрядов, их идеологическая основа и результаты деятельности. Отмечено, что интеграция шиитских милиций в национальные вооруженные силы способствовала укреплению позиций Ирана в Ираке и САР. Этот факт определил актуальность данной статьи, в которой исследуются выдвинутые выше положения.

Ключевые слова: социально-политический конфликт, внешнеполитическая стратегия, шиитская милиция, культурно-религиозная экспансия, гуманитарная катастрофа.

Введение

В последние десятилетия социально-политические конфликты на Ближнем Востоке стали приобретать все большую интенсивность. В кризисных условиях религиозные взгляды играли все более весомую роль в мотивации вооруженных противостояний, которые принимали форму конфликтов низкой интенсивности или гибридных войн. Негосударственными акторами таких конфликтов были вооруженные группы, созданные наподобие отрядов волонтеров и милиционных сил. Идущие в регионе процессы трансформации войны и эволюции арабских вооруженных сил формировали благоприятную среду для реализации целей внешней, религиозной экспансии в регионе (см.: Ахмедов 2023).

В условиях исламского правления важное место в стратегии и тактике ИРИ стало отводиться ведению асимметричных войн. В течение нескольких десятилетий Иран находился под санкциями и был не в состоянии эффективно противостоять США и Израилю. Создание сети проиранских милиций наряду с гуманитарной дипломатией помогло Тегерану достаточно эффективно решить эту проблему. В иранской политике возросла роль неклассических инструментов, основанных на культурном, цивилизационном влиянии, борьбе за души и умы людей. В последние годы на Западе вышло несколько исследований, посвященных отношениям Ирана с милиционными формированиями на Ближнем Востоке¹. В большинстве работ характер отношений милиций с Тегераном рассматривался в рамках инструментального подхода как сотрудничество «патрона и прокси», что затрудняло их комплексный анализ. В оте-

---

¹ Подробнее о патронажно-клиентских отношениях Ирана с негосударственными акторами и прокси-группами на Ближнем Востоке см.: (Ostovar 2019; Barzegar 2023; Ahmadyan, Ghadbeigy 2022; Dalton 2017; Eisenstadt 1996; Jones 2019; Soufan 2018; Katz 2018; Clarke, Smyth 2017).

чественном востоковедении комплексных исследований по данному вопросу практически не проводилось. В контексте развития событий вокруг Газы и интересов России в регионе представленная статья имеет особую актуальность и вносит несомненный научный вклад в разработку указанной проблематики.

Особенности внешнеполитической стратегии ИРИ

Сирийский кризис создал благоприятные условия для распространения иранского влияния в ключевых государствах Ближнего Востока. Факторы этнической, религиозной общности становились доминирующими мотивами ближневосточной политики ИРИ. Военная кампания ИРИ в САР и Ираке обеспечила качественные сдвиги в гуманитарной дипломатии ИРИ, балансирующей на грани «жесткой» и «мягкой силы». Изменения в военной стратегии ИРИ оказали влияние на корректировку инструментария иранской дипломатии.

Модель государственного устройства ИРИ и ее особый характер детерминировали специфику политики Ирана на Ближнем Востоке. Иранскую модель можно отнести к теократическо-экспансивному типу, предполагающему подчинение государства религии. Однако, как и другие, иранская модель поливариантна. Согласно идеологической доктрине ИРИ, в ее основе лежит учение об имамате, исламской умме и «веляят-е факих». Исламская революция служит лишь инструментом шиитского духовенства для подготовки к возвращению «скрытого имама» (Aarabi 2019). В конце 1990-х гг. духовный лидер Ирана А. Хомейни определил пять этапов (задач) исламской революции – исламская революция, исламское государство, исламское правление, исламское общество, исламская цивилизация. В практическом плане данная установка воплотилась в создании и поддержке многочисленных шиитских милиций.

КСИР (Корпус стражей исламской революции) как параллельная военная сила послужил образцом создания проиранских милиций в государствах Ближнего Востока. За четыре десятилетия КСИР превратился из шиитской милиции (450–500 человек) для защиты духовенства в теневое (глубинное) государство в Иране и был главной движущей силой экспорта исламской революции на Ближнем Востоке (Saban 2020). Участие в войне с Ираком обеспечило КСИР официальный статус как регулярной армии. Шиитская доктрина служила средством воспитания господствующей самоиден-

тификации офицеров. Сегодня КСИР является ключевым элементом любого сценария эволюции власти в ИРИ и располагает исключительными ресурсами в вопросах обороны, безопасности, экономики, социальной и идеологической мобилизации общества.

Классификация проиранских вооруженных отрядов на Ближнем Востоке определяется их многочисленностью и разношерстным составом, что затрудняет выявление подлинного характера их взаимоотношений с властями стран-реципиентов, с одной стороны, и Ирана – с другой. На практике характер отношений ИРИ с вооруженными отрядами зависел от группы факторов, наиболее важными из которых были: идеологическая близость, общность стратегических интересов, политическая целесообразность, взаимовыгодное партнерство. Более глубокое понимание природы взаимоотношений Ирана с этими группировками можно было получить, рассматривая их в качестве «младших» партнеров Ирана по оружию, его «военных клиентов» (Afshon 2022). На деле связи Ирана с вооруженными группировками Сирии и Ирака можно причислить к отношениям комбинаторного типа. Иран мог опираться не на все отряды шиитских милиций. Например, «Бригады Иерусалима» в зависимости от складывающейся в Сирии военно-политической ситуации в равной степени были близки к России и Ирану. Несмотря на различный характер отношений этих групп с ИРИ, все они имели общие с Тегераном стратегические цели и финансировались из Ирана. И с этой точки зрения их можно определить как проиранские вооруженные формирования. В последнее десятилетие иранская сеть милицейских отрядов заметно расширилась и укрепилась в различных странах Ближнего Востока. Их общая численность, включая Афганистан и Пакистан, составляла на рубеже 2021–2022 гг. более 250 тыс. человек (Seth 2020).

Проиранские милиции Сирии и Ирака

В Сирии создание милиционных отрядов было обусловлено состоянием сирийских вооруженных сил. Гибридная война, которую вооруженные исламисты навязали сирийской армии, вынудила Б. аль-Асада и его союзников создать новые войсковые подразделения на основе милиционных отрядов. В 2012 г. офицеры КСИР под руководством бывших командующих корпуса «аль-Кодс» К. Сулеймани и Х. Хамадани на основе прорежимного ополчения Хомса создали первые отряды Национальных сил обороны (НСО), в со-

ставе которых наряду с шиитами сражались сунниты и друзы. НСО считались одной из крупнейших проиранских милиций, чья совокупная численность составила к концу 2012 г. около 40 тыс. бойцов (Perlov, Dekel 2018). Если местом рождения НСО был Хомс, то создание в 2013 г. другой крупнейшей проиранской милиции, Местных сил обороны (МСО), происходило за счет объединения различных проасадовских милиций Алеппо, Дейр эз-Зора и Ракъа. В отличие от НСО, которые вскоре оказались под контролем России, руководство МСО полностью находилось в руках «Хезболлы» и КСИР. Достаточно быстро численность МСО выросла до десятков тысяч человек и составляла к 2015 г. около 50 тыс. бойцов. Подобно иракским «аль-Хашд аш-Шааби», сирийские отряды МСО превратились в одну из наиболее боеспособных сил режима (Azizi 2022). Иран взял на свое содержание личный состав МСО, бойцы которого получали от 30 до 50 тыс. сирийских фунтов ежемесячно, а также пользовались иными льготами, предоставленными правительством ИРИ. Иран настоял на том, что в МСО могут также воевать иранские резервисты, которых Тегеран привлекал большой зарплатой и дополнительными льготами за счет внебюджетных средств. В судьбоносные для сирийского режима моменты общая численность НСО и МСО превышала 100 тыс. человек за счет мобилизации резервистов и шиитских наемников из Ирака, что показывало реальные возможности Тегерана по изменению баланса сил в сирийском конфликте. В составе МСО действовали небольшие по численности милицейские отряды. Одним из таких отрядов оказалась бригада «аль-Бакир», которая была создана в 2012 г. в период сражений за Алеппо. Она была укомплектована выходцами из племени аль-Багара, кочевавшего в районах Алеппо и Дейр эз-Зора. Считается, что свое название бригада получила по имени влиятельного шиитского клирика М. аль-Бакира. Другой отряд МСО, бригада «Сейида аль-Рукъайя», появился в 2013 г. и был назван по имени дочери имама Хусейна. К 2015 г. ее численность не превышала 8 тыс. бойцов. Бригада «Сейида аль-Рукъайя» сражалась в основном в пригородах Дамаска (Smyth 2015). В 2011 г. для обороны шиитских святынь в дамасских пригородах была создана «Хезболла аль-Нуджаба», при поддержке которой были сформированы другие шиитские бригады: «Аммар бин Ясир» и «аль-Хамад» (Knights 2021). Наиболее известными и крупными шиитскими милициями Сирии считаются бригады «аль-Аббасион», «аль-Фатимион» и «аль-Зейноби-

юнь», в составе которых сражались преимущественно шииты из Ирака, Афганистана и Пакистана соответственно. Одной из первых шиитских милиций Сирии были бригады «Абу аль-Фадль аль-Аббас» («аль-Аббасиюн»). Они были созданы КСИР в 2013 г. из шиитских милиций Ирака «Катаиб Хезболла» и «Армии аль-Махди» (Smyth 2013). В Сирии бригада сражалась в районах Ябруда, Млейхи, Карба, Кабун, Касима, Барзе и Джобар. Бригады «аль-Фатимиюн» были созданы в 2011 г. как батальон из афганских шиитов. В их состав входили афганские шииты-беженцы в Сирии (пригороды Дамаска) и Иране. В 2021–2022 гг. «аль-Фатимиюн» стали называть себя армией, их численность составляла около 20 тыс. человек. После прекращения активной фазы боев личный состав бригад «аль-Фатимиюн» сократился на 50 %. В состав «аль-Зейно-биюн» входили пакистанские беженцы в Сирии. В 2013 г. наемники из Пакистана сражались в рядах бригады «аль-Фатимиюн». На рубеже 2014–2015 гг. бригада «аль-Зейнобиюн» оформилась как самостоятельная сила (Zahid 2016). В отличие от «аль-Фатимиюн» численность личного состава «аль-Зейнобиюн» не превышала 3 тыс. человек (Wigger 2019).

В Ираке в результате американской оккупации 2003 г. структура вооруженных сил была сильно деформирована. Еще в 1980 г. Тегеран инициировал создание под эгидой Верховного Совета исламской революции Ирака (ВСИРИ) «Куват аль-Бадр». Позднее «Куват аль-Бадр» стали главным поставщиком иранского оружия шиитским милициям Ирака. В 2019–2020 гг. организацию возглавлял Х. аль-Амири. В 2006 г. для борьбы с американской оккупацией на базе трех шиитских милиций были сформированы «Катаиб Хезболла». Численность организации составляла 5 тыс. человек (Mapping Militant Organizations 2020). Еще одна шиитская милиция «Катаиб Сайид аль-Шухада» изначально была частью «Катаиб Хезболла». В 2014 г. она превратилась в самостоятельную организацию. Ее численность составляла около 4 тыс. человек. В 2006 г. возникли «Асаиб Ахль аль-Хакк», которые выделились из «Армии аль-Махди», созданной М. аль-Садром в 2003 г. для борьбы с США. К 2019 г. численность «Асаиб Ахль аль-Хакк» составляла 50 тыс. человек. На базе шиитских милиций Тегеран сформировал Силы народной мобилизации («аль-Хашд аш-Шааби»). Силы народной мобилизации (СНМ) возникли в 2014 г. как добровольческие отря-

ды для сражения с ИГИЛ². В отличие от других иранских милиций Ирака в СНМ входили отряды суннитских племен, йезидских и христианских общин, которые объединились для борьбы с ИГИЛ. Институциональное оформление СНМ как альтернативных регулярной армии милицейских формирований происходило в несколько этапов. После захвата Мосула иракский премьер-министр Н. аль-Малики призвал иракский народ создать добровольческие отряды для борьбы с ИГИЛ. Али Систани издал фетву, обращенную ко всему мужскому населению страны, с призывом объединиться для отпора «такфиристам». В апреле 2015 г. премьер-министр Ирака Х. аль-Абади издал указ о прямом подчинении СНМ офису премьер-министра. Командующий СНМ Ф. аль-Файяд был назначен на должность советника премьер-министра по вопросам безопасности, которую он занимал до июля 2020 г., когда новый премьер-министр Ирака М. аль-Каземи произвел кадровые перестановки в системе иракских сил безопасности. В 2019 г. из государственного бюджета Ирака было выделено 2,16 млрд долларов США на содержание СНМ (Atallah 2019).

Легитимация проиранских милиций проходила на основе законодательных актов, принятых властями Дамаска и Багдада.

В Сирии в 2018 г. Б. аль-Асад подписал указ о расформировании НСО и зачислении их личного состава в штат регулярной армии. Часть отрядов НСО вошла в состав созданного Россией Пятого корпуса САА, в рамках курса Москвы на постепенное снижение влияния религиозных милиций из-за их дестабилизирующей роли в процессе мирного транзита. После этого Иран переключил свое внимание на МСО. По соглашению 2017 г. между Б. аль-Асадом и Ираном КСИР вместе с ГШ ВС САА совместно управляют МСО до окончания кризиса в Сирии. На рубеже 2021–2022 гг. МСО считались крупнейшей иранской милицией в Сирии и насчитывали около 50 тыс. бойцов (Odeh *et al.* 2019). Шиитская милиция «аль-Аббасион» была преобразована в отдельную дивизию в составе ДРГ. Часть отрядов бригад «аль-Зейнобион» и «аль-Фатимион» также вошли в состав сирийских вооруженных сил. Согласно указу Б. аль-Асада афганским и пакистанским бойцам было предоставлено сирийское гражданство. Всего в состав сирийской армии было

---

² Организация признана террористической Верховным Судом РФ, ее деятельность на территории России запрещена.

интегрировано около 53 тыс. бойцов шиитских милиций (Alami 2018).

В Ираке процесс интеграции шиитских милиций в вооруженные силы заметно ускорился с 2018 г. В июле 2019 г. премьер-министр Ирака А. аль-Махди издал указ, согласно которому СММ должны были полностью войти в состав иракских вооруженных сил. Все подразделения СММ изменили свое название в соответствии с нормативами иракских вооруженных сил. Указ накладывал ограничения на занятия СММ политической и экономической деятельностью. Несмотря на то что СММ стали боевой единицей регулярных армейских частей, они оставались зонтичной организацией для многих шиитских милиций (Al Jazeera Center for Studies 2021). СММ состояли из 42 вооруженных отрядов общей численностью около 120 тыс. бойцов. В конце 2020 г. в результате внутренних распрей четыре бригады вышли из состава СММ и образовали новую структуру («аль-Хашад аль-Атба'а»). Среди вооруженных группировок в составе СММ четыре имели тесные связи с Ираном. Это «Катаиб Хезболла», «Асаиб Ахль аль-Хакк», «Катаиб Сайид аль-Шухада», «Куват аль-Бадр». Такие фракции, как «Хезболла аль-Нуджаба» и «Сарая аль-Хорасани», были не так сильны, как первые четыре, и действовали в союзе с ними. Иран снабжал шиитские милиции Ирака оружием и организовывал подготовку и обучение их бойцов.

Особенности интеграции шиитских милиций Сирии и Ирака определялись различиями организационного характера и поведенческого стереотипа. В Ираке «аль-Хашд аль-Шааби» стремился сохранить полуавтономный статус параллельных войск. В Сирии Иран выступал за полную интеграцию милицейских формирований в национальные вооруженные силы. В отличие от иракских СММ далеко не все сирийские милиции разделяли идеологические и политические установки Ирана. Причина заключалась в их неоднородном конфессиональном и этническом составе и целях участия в сирийских событиях. Так, командный состав бригад «аль-Фатимиюн» и «аль-Зейнобиюн» признавал власть «велят-е факих». Основным мотивом участия в сирийской кампании многих шиитских милиций были соображения материального порядка. Финансирование фонда заработной платы осуществлялось из внебюджетных средств КСИР и частично за счет иранского фонда «Бонаяд Мостазафан» (Radio Farda 2020). Несмотря на различия шиитских милиций Сирии, фактор религиозной близости с Тегераном имел опре-

деляющее воздействие на их поведенческую модель даже после интеграции в состав национальных вооруженных сил.

В результате интеграции Тегеран создал новый формат взаимоотношений с властями Багдада и Дамаска. Вместе с иракскими СНМ сирийские милиции «Аль-Бакир», «Хезболла аль-Нуджаба» и «аль-Фатимийун» контролировали район от аль-Хусейнии до Бокруса, а также район аль-Маядин (Сирия), который был превращен Ираном в один из своих форпостов на Ближнем Востоке. В аль-Букамале на сирийско-иракской границе тесно сотрудничали шиитские милиции Ирака и Сирии (бригады «аль-Туффуф», «аль-Бадр», «аль-Кодс» и «Хезболла аль-Нуджаба»). Весной 2022 г. из части личного состава «Хезболлы» и «аль-Фатимийун» были образованы бригады «Фаджр аль-Ислам», во главе которых стояли офицеры КСИР. В иракских и сирийских вооруженных силах стала формироваться новая идеология индоктринации личного состава на принципах шиитской версии ислама в иранской трактовке. Иран добился того, что сегодня в Сирии и Ираке весьма затруднительно создать инклюзивное правительство на основе общенациональной идентичности. Присутствие шиитских милиций в сирийских и иракских силовых структурах гарантировало Ирану, что Дамаск и Багдад вряд ли смогут в ближайшее время нормализовать отношения с США и Израилем за рамками политического курса Ирана в регионе. Проиранские вооруженные формирования обеспечили успех гуманитарной дипломатии ИРИ на Ближнем Востоке. Наличие близких Ирану в конфессиональном отношении групп населения сыграло заметную роль в проведении политики «мягкой силы».

«Мягкая сила» ИРИ в САР

Важными инструментами культурно-религиозной экспансии ИРИ были распространение шиитского вероучения, реконструкция шиитских святынь, расширение географии религиозного паломничества, приобретение объектов недвижимости, создание сети культурно-образовательных центров.

Сирийский режим на законодательном уровне поддержал культурно-религиозную экспансию ИРИ в САР. В 2018 г. был издан президентский указ, согласно которому в рамках министерства вакфов был образован Научный совет по юриспруденции со специальной квотой для шиитов (Аль-Хейр 2021). На законодательном уровне было решено, что только представители джаафаритского

мазхаба имеют преимущественное право на издание фетв и другие виды религиозной деятельности, в том числе управление вакфами³. Закон № 10 от 2018 г. дал право командирам проиранских милиций отчуждать в свою собственность любые объекты недвижимости в случае, если их владелец не может подтвердить свое право на них. Особое внимание Тегеран уделял увеличению численности шиитского населения в Дамаске и его пригородах. В 2015–2016 гг. в результате тяжелых сражений в пригородах Дамаска и Алеппо суннитская оппозиция потерпела поражение, и ее личный состав вместе с семьями вынужден был выехать в Идлиб. Вскоре за ними последовали мирные жители расположенных на границе с Ливаном сирийских городов Блудан, Ябруд, Мадайя, Сергая, Кисва и Забадани, которые оказались под контролем «Хезболлы». Конфискованные дома заняли шииты – выходцы из Ирана, Афганистана, Ирака и Пакистана. Еще в 2014 г. проживавшие в пригородах Дамаска Мадайя и Забадани сунниты под давлением КСИР «поменялись» местом жительства с шиитами из Фуа и Кефрайя в провинции Идлиб. Эта схема стала надежным инструментом эволюции конфессиональной карты в других районах Сирии. Наряду с Дамаском Тегеран проявил повышенный интерес к суннитскому оплоту в Алеппо. В 2016 г. восточные районы Алеппо были освобождены от повстанцев, сотни тысяч суннитов выехали из разрушенных районов. Связанные с шиитскими милициями агентства недвижимости скупали объекты недвижимости под предлогом их реконструкции. Восстановленные кварталы заселили десятками тысяч шиитских семей из Ирака, Афганистана, Пакистана (Saban 2020). Иран открыл свое консульство в Алеппо, основал духовную семинарию. В городе аль-Сафира в 25 км к юго-востоку от Алеппо начал работать Центр по изучению персидского языка. С принятием закона № 10 многие мечети Хомса были превращены в центры пропаганды шиизма, значительная часть недвижимости была конфискована (Evacuation... 2018). Иранская строительная компания «Джихад аль-Бина» вместе с фондом «Имам аль-Кадим» отстроила несколько шиитских школ в городе Дейр аль-Зоре и основала религиозные центры в городе

---

³ Джаафариты – последователи джаафаритской (имамитской) религиозной школы. Названы по имени шестого имама шиитов-имамитов Джаафара ас-Садика (ум. в 765 г.). Джаафаритский мазхаб признан суннитами наряду с четырьмя другими. Сегодня джаафаритского толка придерживаются все шииты-имамиты.

аль-Маядин (Messing 2021). В духовной экспансии Ирана в Сирии большое внимание уделялось вопросам святых мест. В Дамаске и его пригородах три шиитских святыни были названы в честь дочерей и внуков Али ибн Абу Талиба – «Сейида Зейнаб», «Сейида Сакина» и «Сейида Рукьяя». «Сейида Зейнаб» располагалась в 10 километрах от центра Дамаска. Этот район был населен преимущественно иракскими шиитами, которые спасались в Сирии от преследований режима С. Хусейна. В 2020 г. квартал был переименован в город Сейида Зейнаб, где был начат строительный проект «Пригороды Зейнаб». В конце 2021 г. КСИР и шиитские милиции установили свои религиозные порядки в ряде районов провинции Дейр эз-Зор. Прежде всего эти нововведения коснулись города Махкан, где дислоцировались бригады «аль-Аббасиюн» и «аль-Зейнобиюн». Так, мечеть Фарук Омар стала именоваться Великой мечетью Махкан (Иссам 2021). Как считали местные жители, эти изменения коснулись прежде всего мечетей, в названиях которых были упомянуты имена трех из четырех праведных халифов Абу Бакра, Омара и Османа, которые были известны своим «пристрастным» отношением к шиитам⁴. После частичной реставрации мечети утратили прежний архитектурный облик, превратившись в хусайнии⁵. В городе аль-Маядин была сооружена мечеть Али ибн Абу Талиба (Айн Али) на месте, где, по преданию, конь Али выбил копытом из земли источник свежей воды. За годы вооруженного конфликта в САР Иран построил несколько десятков новых мечетей в ключевых центрах страны (Дамаске, Халебе, Хомсе, Дейр эз-Зоре, Дерья), восстановил и реставрировал шиитские святыни в Дамаске и Халебе. В итоге Иран расширил географию паломничества в Сирии и увеличил число паломников (Нааме 2021). В конце 2021 г. Иран официально возобновил религиозный туризм в САР. Если до событий марта 2011 г. Сирию ежегодно посещало более 500 палом-

---

⁴ В данном случае речь идет об оценке местным населением действий КСИР и шиитских милиций. Для углубленного понимания вопроса о времени появления суннитов и шиитов (алидов) и их противостоянии в период правления трех праведных халифов (ок. 632–656 гг.) см.: Ан-Наубахти аль-Хасан ибн Муса 1973.

⁵ Особый архитектурный стиль строительства молитвенных домов, который стал практиковаться в Иране с XV в., периода расцвета династии Сефевидов. Сефевиды утвердили шиитское направление ислама в Иране. Название «аль-хусайнийя» связано с именем имама Хусейна (внука Пророка), павшего в боях с Омеядами при Кербеле (Ирак).

ников из Ирана и Ирака, то после 2023 г. их число кратно выросло (Диб 2023). В 2021 г. в Сирии действовали шесть иранских университетов, из них пять были созданы после 2011 г. Работа строилась на основе учебных программ, разработанных Министерством науки ИРИ. Для поступления в них требовалось свободное владение персидским языком. В Дамаске, Халебе, Латакии, Дейр эз-Зоре работало 15 культурных центров Ирана.

Распространение шиитского вероучения и обращение в шиизм местного населения занимало центральное место в политике Ирана в САР. Эта деятельность была ориентирована прежде всего на средние и беднейшие слои сирийского населения в стратегически важных для ИРИ районах Сирии. Северо-восток Сирии служит естественным коридором между нею и Ираком, а город Ракья является историческим местом. В 657 г. н. э. в его окрестностях произошла знаменитая битва при Сиффине между Али ибн Абу Талибом (четвертым праведным халифом) и Муавией ибн Абу Суфьяном (основателем династии Омейядов). В отличие от деловых кварталов Дамаска (аль-Хамидийя, например), где празднование «ашуры» стало обычным делом еще до кризиса, религиозная ситуация на юге Сирии была иной. С 2018 г., после победы над оппозицией, в Дерья начался процесс «шиитизации» местного населения. КСИР создал здесь местные милиции – «Корпус аль-Арин» и «Бригаду 313». Последняя была названа по имени 313 сторонников имама аль-Махди, которые в его отсутствие защищают справедливость на земле. В сентябре 2018 г. специальный посланник аятоллы Хаменеи в САР А. Ф. Табтабаи посетил Дерья и выделил финансовую помощь новым шиитским милициям. Была также профинансирована деятельность иранского благотворительного фонда «аль-Захра», который имел вооруженное крыло «Львы аль-Захра» и работал в различных районах Сирии. Населенная друзьями аль-Сувейда была единственной сирийской провинцией, большинству жителей которой удалось сохранить конфессиональную идентичность. С учетом серьезных различий в религиозных доктринах друзов и шиитов и запрета переходить в другую веру шансы на «шиитизацию» друзов были ничтожны. В попытках наладить контакты с местным населением офицеры КСИР организовали визит лидеров друзской общины в Тегеран. Последний запустил ряд гуманитарных и социальных программ в аль-Сувейде. Пользуясь бедственным положением друзов, офицеры КСИР смогли вовлечь нескольких жителей в состав

проиранских вооруженных отрядов. Религиозная политика Ирана в САР имела глубокий политический контекст. ИРИ стремилась продемонстрировать, что война в Сирии закончилась, следовательно, присутствие там иностранных военных незаконно. Одновременно Тегеран укреплял легитимность шиитских милиций в Сирии. Гуманитарная дипломатия изменила социокультурный облик современной Сирии и сделала ее власти еще более зависимыми от Ирана.

Россия – Иран: соперничество без вражды

Культурно-религиозная экспансия Ирана на Ближнем Востоке оказала неоднозначное воздействие на характер отношений ИРИ с региональными, международными участниками ближневосточного процесса. Основной задачей проиранских отрядов было ограничение американского военного присутствия в государствах арабского Машрика и налаживание логистических коридоров для бесперебойной поставки оружия и боеприпасов отрядам исламского сопротивления в Ливане и Палестине. Шиитские милиции сдерживали Анкару и ее «прокси-группы» на севере, северо-востоке Сирии и служили контрбалансом российскому влиянию в районах под контролем сирийского режима. Турецко-российские переговоры в декабре 2016 г. о предотвращении гуманитарной катастрофы в Алеппо прошли без участия Ирана. Отряды ливанской «Хезболлы» и «Хезболла аль-Нуджаба» блокировали эвакуацию жителей из Алеппо и вернули Иран за стол российско-турецких переговоров.

В отличие от Ирана Россия стремилась перестроить основные институты сирийского государства, прежде всего армию и спецслужбы, одновременно сократив роль религиозных милиций. В конце 2016 г. Москва инициировала создание Пятого корпуса сирийской армии, который в отличие от Четвертого корпуса проводил войсковые операции на всей территории страны, а не только в Средиземноморском районе. В контексте сирийской нормализации Москва заботилась о восстановлении на службе бывших перебежчиков, которые были преимущественно суннитами. Их инкорпорация в регулярные армейские части легитимировала возвращение офицеров-суннитов на службу в армию и снижала остроту конфессиональной розни в сирийских вооруженных силах (Ахмедов 2022). Москва координировала войсковые операции в Сирии с 25-й дивизией спецвойск (Tiger Forces) под командованием генерала С. Хасана, бригадой «аль-Кодс» и христианскими милициями в провинции

Хама. Россия стремилась укрепить свои позиции, на юге Сирии используя связи с бывшими оппозиционерами, перешедшими на сторону режима. С тем чтобы нарастить влияние в северо-западных районах Сирии, РФ установила контакты с местными племенными вождями и рядом отрядов НСО. В отличие от Ирана Россия была ограничена в выборе средств религиозной мобилизации местных сил и не могла на равных соперничать с Тегераном в работе с религиозными милициями (Abu al-Khair 2022). Данное обстоятельство не помешало российским военным установить рабочие отношения с рядом религиозных милиций, проявив высокую степень оперативного искусства во взаимодействии с их личным составом. Так, «Кувват аль-Рида» были одной из немногих шиитских милиций, которые сотрудничали с российскими ВКС. Ее бойцы проходили тренировку в лагерях сирийской армии под руководством российских военных инструкторов (Fainberg 2017: 24). После подписания перемирия между оппозицией и режимом в Дерья в 2018 г. при посредничестве России Москва использовала открывшиеся возможности для создания собственных милиций под прикрытием Пятого корпуса ВС САР. Российские военные пытались установить контакты с местными племенами, чтобы упрочить свое влияние в этом районе. Москва сделала ставку на бывших оппозиционеров, которые сражались в составе Восьмой бригады Пятого корпуса под командованием Ахмеда аль-Ода. В 2021 г. подразделения «аль-Аббасиюн» заняли центр Дерья, вынудив бойцов Восьмой бригады сложить оружие и подписать новое соглашения в пользу Ирана (Grąjewski 2021). До конца 2022 г. Россия частично сохраняла свое влияние на милиционные отряды в Дерья. После начала российской специальной военной операции на Украине сокращение объемов финансирования вынудило многие милиции переориентироваться на Иран. Многие бойцы стали переходить в милицейские формирования под эгидой КСИР. Связанные с Россией милицейские отряды аль-Ка-тарджи пытались заручиться поддержкой САА. Милиции аль-Катар-джи занимались охраной транспортировки нефти из пограничных районов в Дейр эз-Зоре (Abu al-Khair 2022). Как правило, сирийские органы безопасности предпочитали иметь дело с милиционными отрядами, нежели с сирийской армией, которую было труднее контролировать. Имевшие свои милиции оружейные бароны были избраны в парламент и обрели определенное политическое влияние. Москва взяла курс на продвижение в наиболее бое-

способные подразделения сирийских вооруженных сил и органов безопасности лояльных ей военных, которые прошли специальные учебно-тренировочные курсы в России. Одновременно Россия инициировала серию перестановок в руководстве сирийской армии и органов безопасности. Это дало Москве возможность контролировать многих сирийских офицеров, а в ряде случаев управлять их действиями (Аль-Нахас 2019). В январе 2024 г. Б. аль-Асад произвел перестановки в офицерском корпусе сирийских ВС и органов безопасности. В экспертных кругах этот шаг был расценен как российская инициатива по реформированию сирийских спецслужб, сокращению их числа и усилению политического контроля над ними. В результате ослабления государственных институтов САР и глубокой вовлеченности Ирана в работу силовых подразделений они превратились в автономные центры силы и защищали не столько интересы народа и государства, сколько свои собственные. Москва спонсировала назначение К. Мильхема (УВКР САР) на место А. Мамлюка (БНБ САР), который, став советником президента, мог занять более значимый пост в политике, продолжая курировать вопросы безопасности. Вставший во главе УВКР САР вместо К. Мильхема К. Хасан являлся креатурой Ирана. Подобная схема перестановок была призвана погасить возможный конфликт с Ираном из-за контроля над механизмом принятия решений в САР и затруднить процесс миграции внутри офицерского корпуса по принципу смены лояльности внешним акторам сирийского конфликта (Амин 2024). Одновременно сирийский режим усилил кампанию против оружейных баронов в Латакии и Хомсе, которые сдерживали работу российских военных с местными милициями (Сидки 2024). Усилия Москвы шли в контексте «дорожной карты безопасности», которая была принята на очередном заседании Совета национальной безопасности САР и предусматривала приоритетное внимание реорганизации органов безопасности, решению вопросов возвращения беженцев, борьбе с наркотрафиком в Иорданию и Саудовскую Аравию (Аль-Шарк Аль-Аусат 2024). Соперничество Москвы и Тегерана в Сирии не носило враждебного характера и не мешало ВКС РФ обеспечивать авиационную и ракетно-артиллерийскую поддержку операций шиитских милиций против вооруженной оппозиции. Однако после окончания «горячей» фазы сирийского конфликта присутствие шиитских милиций шло вразрез с планами Москвы и Дамаска по окончательному завершению военной фазы

конфликта и выводу иностранных войск из страны. Несмотря на принятые Б. аль-Асадом решения по обеспечению безопасности в качестве первого шага подготовки страны к переходному периоду, многие в Сирии и за рубежом рассматривали эти меры как соперничество между Ираном и Россией за контроль над властным механизмом САР.

Заключение

С началом войны в Палестине атаки проиранских милиций на израильские и американские объекты сделали Иран в глазах Израиля и США активным участником палестино-израильского конфликта. После гибели в январе 2020 г. командира корпуса «аль-Кодс» КСИР К. Сулеймани СНМ обвинили американских военных в ударах по гражданским объектам и базам организации в Ираке. В ответ на призывы командира бригад «аль-Кассам» М. Дейфа к силам «Исламского сопротивления» поддержать ХАМАС в борьбе с Израилем представители проиранских вооруженных группировок Ирака и Сирии заявили, что защита Газы важнее, чем обязательства милиций перед властями Багдада и Дамаска. Они атаковали американских военных в Ираке и Сирии, нанесли удары по израильским поселениям на севере Палестины. Шиитские милиции усилили присутствие в густонаселенных районах старого Дамаска и его ближайших пригородах, сделав их потенциальной мишенью израильских ВВС. Иран диверсифицировал пути и средства доставки оружия в Ливан и Газу и заявил о поставке сирийской армии (САА) системы ПВО типа «Хордад-15». Нападения йеменских хуситов на суда в Красном море срывали планы бесперебойных поставок Израилю и бросали вызов мировой экономике. В отличие от Ливана, где боестолкновения между Израилем и «Хезболлой» происходили в основном в районе ферм Шебаа, йеменский фронт представлял большую угрозу, поскольку затрагивал безопасность всего региона. С января 2024 г. Израиль трижды атаковал Дамаск, Алеппо и Хомс. Целью этих ударов стали склады оружия, боеприпасов, позиции шиитских милиций. Со времени начала войны в Газе Израиль ликвидировал около 140 бойцов «Хезболлы» и около 20 командиров высшего и среднего звена КСИР. После ракетно-артиллерийских ударов Ирана и шиитских милиций по американской базе на границе с Иорданией и Иракскому Курдистану ситуация в этом районе заметно осложнилась. Визит командующего силами

«аль-Кодс» Э. Каани в Ирак способствовал прекращению атак на американские объекты в Ираке. Однако уже в начале марта 2024 г. ряд шиитских милиций в нарушение достигнутых с А. Хаменеи договоренностей возобновил атаки на американских военных в Ираке. Война в Секторе Газа привела к резкой активизации джихадистских сил в регионе. В Ираке вновь заявило о себе ИГИЛ, провозгласившее себя борцом за создание единого фронта «суннитского джихада». Характерно, что ИГИЛ сражалось не столько с Израилем и США, сколько с шиитским Ираном и «продавшимися» Тегерану иракским и афганским отделениями суннитской организации «Аль-Каиды»⁶. В декабре 2023 – январе 2024 г. ИГИЛ провело ряд операций в пригородах Багдада и северо-западных районах Ирака. В самом Иране события в Палестине получили неоднозначный отклик. Если иранский политический истеблишмент в целом одобрял действия властей в поддержку Палестины, то в социальных сетях иранцы нередко критиковали атаку ХАМАС на мирные израильские поселения. Ремейки лозунгов времен «Зеленой революции» (2009 г.) типа «Не Газа, не Ливан, моя жизнь для Ирана» свидетельствовали об усиливающемся недовольстве населения внешнеполитическими приоритетами правительства. Растущее иранское присутствие в регионе на основе стратегии ИРИ по противодействию Израилю и США противоречило национальной повестке арабских стран и тормозило миротворческие усилия международных посредников на Ближнем Востоке. Военная и экономическая экспансия Ирана, приобретение в собственность недвижимости, распространение шиитской идеологии вызывало раздражение даже у части арабских офицеров, которые предпочитали сотрудничать с Россией в вопросах поставок вооружений и организации учебно-тренировочных программ. На региональном и международном уровне дипломатический застой в Палестине, Ливане, Сирии, Ираке и Йемене вызывал растущую озабоченность по вопросам безопасности, которые увязывались с иранским присутствием в этих странах. Многие арабские политики считали, что Иран использует арабские территории в качестве полигона для решения своей стратегической задачи – вывода американских войск из Ирака и Сирии. Подобные настроения могли нивелировать тот позитивный потенциал, который был создан после восста-

---

⁶ Организация признана террористической Верховным Судом РФ, ее деятельность на территории России запрещена.

новления дипломатических отношений между Эр-Риядом и Тегераном в марте 2023 г. Тем более что действия проиранских вооруженных формирований пока не вынудили США начать вывод своих войск из Сирии и Ирака. Однако, вне зависимости от сегодняшних заявлений представителей американской администрации относительно возможности вывода американских военных, сложно предсказать, какой кумулятивный эффект окажут непрекращающиеся атаки милиций в условиях близящихся президентских выборов в США. В этой связи налаживание конструктивного диалога с Ираном, особенно в условиях отсутствия «ядерной» дипломатии, представляется разумным решением. Соперничество региональных и мировых держав за контроль над Ближним Востоком может сыграть важную роль в определении иранской военной стратегии в регионе в краткосрочной перспективе. В данных условиях было бы разумным предложить более широкие рамки сирийского урегулирования с охватом вопросов Палестины, Ирака и иранского присутствия в регионе. Именно с такой инициативой Россия выступила в начале 2024 г. на основе разработанного Москвой проекта «регионального соглашения» с учетом ряда положений выдвинутого МИД РФ в 2017 г. проекта конституционного строительства в САР. В то же время было бы неверным полагать, что урегулирование на Ближнем Востоке может проходить за счет отношений Москвы с Дамаском и Тегераном.

Литература

Аль-Нахас, С. 2019. Али Мамлюк и новое руководство спецслужб. Россия забирает долю аль-Асада (на араб. яз.). URL: <https://bit.ly/2JpNnfM>.

Аль-Хейр, М. М. 2021. Объявление шейха Усамы ар-Рифаи муфтием Сирии: ответственность и последствия. Рассказ о борьбе за сирийский муфтият со времен Г. А. Насера до Башара аль-Асада (на араб. яз.). URL: <https://mubasher.aljazeera.net/opinions/>.

Аль-Шарк Аль-Аусат. 2024. Новая дорожная карта безопасности для Сирии (на араб. яз.). URL: <https://aawsat.com/tinyurl.com/2p974max>.

Амин, М. 2024. Перестановки в сирийских органах безопасности. Преступники меняют преступников. Али Мамлюк уволен (на араб. яз.). URL: <https://www.alaraby.co.uk/politics/tinyurl.com/36pzdbn9>.

Ан-Наубахти аль-Хасан ибн Муса. 1973. *Шиитские секты*. М.: Наука. 256 с.

Ахмедов, В. М.

2022. *Сирийский кризис и борьба Ирана за Ближний Восток (1990–2020-е годы)*. М.: ИВ РАН. 237 с.

2023. *Ближний Восток на рубеже столетий (конец XX – 20-ые годы XXI вв.)*. М.: ИВ РАН. 374 с.

Диб, О. 2023. Раиси в Дамаске, а не в Эр-Рияде (на араб. яз.). URL: <https://www.alaraby.co.uk/opinion/04.05.2023>.

Иссам, В. 2021. Сирия: при поддержке Ирана милиции меняют названия мечети «аль-Фарук Омар» в пригороде Дейр эз-Зора (на араб. яз.). URL: <https://www.alquds.co.uk/>.

Нааме, А. 2021. Иран объявляет о возобновлении «религиозного паломничества» в Сирию. Почему сейчас? (на араб. яз.). URL: https://www.arab_21.com/story/1397691/.

Сидки, Б. 2024. Новые российские планы для Сирии (на араб. яз.). URL: <https://www.alquds.co.uk>.

Arabi, K. 2019. What is Velayat-e Faqih? *Tony Blair Institute for Global Change* March 20. URL: <https://institute.global/policy/what-velayat-e-faqih>.

Abu al-Khair, W. 2022. Russia-Backed Militias in Syria Feel the Pinch as Focus Shifts to Ukraine. *Caravanserai* July 1. URL: news.com/en_GB/articles/cnmi_ca/features/2022/07/01/feature-02.

Afshon, O. 2022. The Grand Strategy of Militant Clients: Iran's Way of War. *Security Studies* 28 (1): 159–188. DOI: 10.1080/09636412.2018.1508862. 166-167.

Ahmadyan, M., Ghadbeigy, Z. 2022. Impact of Proxy Wars on the Regional Position of the Islamic Republic of Iran. *International Journal of Multicultural and Multireligious Understanding* 9(6): 12–22.

Alami, M. 2018. Syria Seeks to Integrate Myriad Paramilitaries. *Al-Monitor* December 3. URL: www.al-monitor.com/originals/2018/11/syria-state-army-integrate-paramilitary-militias.html.

Al Jazeera Center for Studies. 2021. States within the State: Kadhimi's Challenge is to Bring Shia Militias under Control. URL: studies.aljazeera.net/en/policy-briefs/states-within-statekadhimiE2%80%99s-challenge-bring-shia-militias-under-control.

Atallah, Ph. 2019. The Future of the Iraqi Popular Mobilization Forces. *Foreign Policy Research Institute* August 19. URL: www.fpri.org/article/2019/08/the-future-of-the-iraqi-popular-mobilization-forces.

Azizi, H. 2022. Integration of Iran-Backed Armed Groups into the Iraqi and Syrian Armed Forces: Implications for Stability in Iraq and Syria. *Small Wars & Insurgencies* 33(2): 1–29. DOI:10.1080/09592318.2021.2025284.

Barzegar, K. 2023. Hybrid Deterrence in the Middle East. In Eslami, M., Vysotskaya Guedes Vieira, A. (eds.), *The Arms Race in the Middle East*. Cham: Springer International Publishing. Pp. 229–242.

Clarke, C., Smyth, Ph. 2017. The Implications of Iran's Expanding Shi'a Foreign Fighter Network. *CTC Sentinel* 10(10). URL: <https://ctc.westpoint.edu/the-implications-of-irans-expanding-shia-foreign-fighter-network/>.

Dalton, M. G. 2017. How Iran's Hybrid-War Tactics Help and Hurt It. *Bulletin of the Atomic Scientists* 73(5): 312–315.

Eisenstadt, M. 1996. *Iranian Military Power: Capabilities and Intentions*. Washington, D.C.: Washington Institute for Near East Policy. 114 pp.

Evacuation of Two Pro-Assad Syrian Villages Complete. 2018. *Reuters* July 18. URL: <https://www.reuters.com/article/world/evacuation-of-two-pro-assad-syrian-villages-complete-idUSKBN1K80PA/>.

Fainberg, S. 2017. *Russian Spetsnaz, Contractors and Volunteers in the Syrian Conflict*. Paris; Brussels: Ifri. 30 pp.

Grajewski, N. 2021. The Evolution of Russian and Iranian Cooperation in Syria. URL: <https://www.csis.org/analysis/evolution-russian-and-iranian-cooperation-syria>.

Jones, S. G. 2019. War by Proxy: Iran's Growing Footprint in the Middle East. URL: <https://www.csis.org/analysis/war-proxy-irans-growing-footprint-middle-east>.

Katz, B. 2018. Axis Rising: Iran's Evolving Regional Strategy and Non-State Partnerships in the Middle East. URL: <https://www.csis.org/analysis/axis-rising-irans-evolving-regional-strategy-and-non-state-partnerships-middle-east>.

Knights, M. 2021. Profile: Harakat Hezbollah al-Nujaba. URL: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/profile-harakat-hezbollah-al-nujaba>.

Mapping Militant Organizations. 2020. Kata'ib Hezbollah. URL: cisac.fsi.stanford.edu/mappingmilitants/profiles/kataib-hezbollah.

Messing, D. 2021. The Bright Light Institute' – Another Iranian Organization Spreading Shiism in Eastern Syria. *Alma Research and Education Center* March 14.

Odeh, D., Jalil, M. A., Jamal, A. 2019. The Syrian Army: Between Russian Control and Iranian Infiltration. *Enab Baladi* November 13. URL: enabbaladi.net/archives/2019/11/the-syrian-army-between-russian-control-andiranian-infiltration.

Ostovar, A. 2019. The Grand Strategy of Militant Clients: Iran's Way of War. *Security Studies* 28(1): 159–188.

Perlov, O., Dekel, U. 2018. The Model of Iranian Influence in Syria. *The Institute for National Security Studies* July 27. URL: www.inss.org.il/publication/model-iranian-influence-syria.

Radio Farda. 2020. Former IRGC Official Says Soleimani Asked Him for Money to Pay Proxies in Syria April 6. URL: en.radiofarda.com/a/former-irgc-official-says-soleimani-asked-him-for-money-to-pay-proxies-in-syria/30532758.html.

Saban, N. 2020. Factbox: Iranian Influence and Presence in Syria. *Atlantic Council* November 11. URL: <https://bit.ly/3dOvG7C>.

Seth, J. G. 2020. Containing Tehran: Understanding Iran's Power and Exploiting its Vulnerabilities. *Center for Strategic & International Studies* January 6. URL: www.csis.org/analysis/containing-tehran-understanding-irans-power-and-exploiting-its-vulnerabilities.

Smyth, Ph.

2013. From Karbala to Sayyida Zaynab: Iraqi Fighters in Syria's Shia Militias. *CTC Sentinel* 6(8): 1–32.

2015. al-Quwat al-Ja'afariyah & Liwa Sayyida Ruqayya: The Building of an "Islamic Resistance in Syria". *Hizballah Cavalcade* March 20. URL: <https://muqawamalogy.com/hizballah-cavalcade/>.

Soufan, A. 2018. Qassem Soleimani and Iran's Unique Regional Strategy. *CTC Sentinel* 11(10): 1–36.

Wigger, L. 2019. Why Pakistan Holds a Key in the Iranian-Saudi Confrontation. *Zenith.Me* September 26. URL: magazine.zenith.me/en/politics/pakistan-iran-and-saudi-arabia.

Zahid, F. 2016. The Zainabiyoun Brigade: A Pakistani Shiite Militia amid the Syrian Conflict. *Terrorism Monitor* 14(11). URL: <https://jamestown.org/program/the-zainabiyoun-brigade-a-pakistani-shiite-militia-amid-the-syrian-conflict/>.